

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 32 (198)

11 ИЮЛЯ 1934 г.
ЦЕНА 20 коп.

С О В Е Т С К О Е И С К У С С Т В О

ОРГАН НАРКОМПРОСА РСФСР

«Вишневый сад» в Художественном театре.
Москвин — Епиходов, Булгакова — Дуняша

ВС МЕЙЕРХОЛЬД О „ВИШНЕВОМ САДЕ“

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО к А. П. ЧЕХОВУ

Дорогой Антон Павлович!

Большое спасибо за ваше любезное письмо, которое Вы прислали мне, узнав о моей болезни, и на которое я — бессовестный — так долго молчал. Простите.

Здоровье мое улучшилось, как только приехал в Москву, оставив занятия. Посоветовался с врачом. Весной и летом играть не разрешил. В легких не нашел ничего. Сердце переутомлено. Послал в деревню. И вот с пасхи живу в глуши Саратовской губернии. Здесь сосновый лес, вода и почта только два раза в неделю.

Звала меня к себе Комиссаржевская — испугал Петербург. Кроме того она собиралась взвалить на меня только режиссерский труд. Как ни интересен труд режиссера, актерская работа куда интереснее. В моем деле режиссура интересует меня постольку, поскольку, вместе с понятием художественного тона всего дела, она помогает совершенствоваться моей артистической личности.

В будущем году труппа моя будет играть в Тифлисе. Приезжайте посмотреть нас, потому что мы подросли в художественном смысле. Вашу пьесу «Вишневый сад» играем хорошо. Когда я смотрел ее в Художественном театре, мне не стало стыдно за нас. Мне не совсем нравится исполнение этой пьесы в Москве. В общем.

Так хочется сказать. Когда какой-нибудь автор гением своим вызывает к жизни свой театр, этот последний постигает секрет исполнения его пьес, находит ключ. Но если автор начинает совершенствовать технику и в творчестве своем поднимается в высоты, театр как совокупность нескольких творцов, следовательно, творец более тяжеловесный, начинает терять этот ключ. Так, например, потерял ключ к исполнению пьес Гауптман «Deutsches Theater» в Берлине (неуспех великолепной трагикомедии «Красный петух», «Шук и Ю», «Б. Гейнрих»).

Так, мне кажется, растерялся Ху-

дожественный театр, когда приступил к Вашему «Вишневому саду».

Ваша пьеса абстрактна, как симфония Чайковского. И режиссер должен уловить ее слухом, прежде всего. В третьем акте на фоне глушоты «топотания» — вот это «топотание» нужно услышать — незаметно для людей входит ужас: «Вишневый сад продан». Танцуют. «Продан». Танцуют. И так до конца. Когда читаешь пьесу, третий акт производит такое же впечатление, как то же звон в ушах больного в вашем рассказе «Тиф». Зуд какой-то. Веселье, в котором слышны звуки смерти. В этом акте что-то метерлинковское, страшное. Сравнил только потому, что бессилён сказать точнее. Вы несравнимы в Вашем великом творчестве. Когда читаете пьесы иностранных авторов, Вы стоите оригинальностью своей особняком. И драме Западу придется учиться у Вас.

В Художественном театре от II акта не остается такого впечатления. Фон мало сгущен и мало отделен вместе с тем. Впереди: история с кием, фокусы. И отдельно. Все это не составляет цепи «топотания». Между тем ведь все это «танцуют» люди беспечно и не чувствуют опасности. В Художественном театре замедлен слишком темп этого акта. Хотели изобразить скуку. Ошибка. Хотели изобразить беспечность. Разница. Беспечность активнее. Тогда трагизм акта сконцентрируется.

В частности: плохо играют Лавина, лакея, Дуняшу, Варю. Акт Великолепен: Москвин и Станиславский. Фирс — совсем не тот.

Поразителен пейзаж II акта в декоративном отношении.

Черкните что-нибудь о себе. Передайте Ольге Леонардовне мое извинение, что не зашел к ней. Был в Москве недолго, а дел было очень много.

Горячо любящий вас

ВС. МЕЙЕРХОЛЬД

8 мая 1904 г.

(По материалам рукописного отсела Всесоюзной библиотеки им В. И. Ленина)